

А.В. Дука

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ В ИССЛЕДОВАНИЯХ ВЛАСТНЫХ ЭЛИТ*

В статье обсуждаются вопросы применимости классических подходов в исследовании элит в условиях современности. Также предлагаются теоретические рамки изучения властных групп. Рассматриваются три возможных исследовательских направления. Каждый из них соотносится с определенными представлениями об элитах как специфическими социальными образованиями. Во-первых, элиты могут быть представлены и исследованы как функциональные группы. Во-вторых, элиты могут быть проанализированы как определенный социальный слой. В-третьих, элиты могут быть рассмотрены как институты.

Ключевые слова: властные элиты, теории элит, институциональные порядки, социальная стратификация, В.Парето

Key words: power elites, elite theories, institutional orders, social stratification, V.Pareto

Вопрос о теоретическом основании исследовании элит может показаться праздным: есть классические тексты, современные теоретические работы, в которых все в достаточной степени разъяснено. Современные авторитеты в элитологии прямо пишут: «Политические элиты — это индивиды, чьи стратегические позиции в важных и властных организациях и движениях дают им возможность непосредственно, устойчиво и регулярно влиять на принятие политических решений. Это определение или весьма близкое к нему является сейчас **стандартом в исследовании элит** [выделено мною. — А.Д.], даже если разные ученые используют различные прилагательные или глаголы для определения “непосредственно принимающих решения”» (Higley, Moog 2001: 176)*. Взаимное цитирование и общее ис-

* Статья представляет собой версию опубликованного ранее текста (Дука 2005б). При подготовке его в печать техническим редактором были сделаны изменения, не согласованные с автором. В настоящей статье помимо исправлений предыдущего издания, внесены некоторые изменения и сделаны добавления.

пользование одинаковых слов, часто воспринимаемых как общие понятия и термины, создает у некоторых отечественных ученых иллюзии относительно принципиально единого теоретического пространства в изучении элит. Так, например в одном автореферате докторской диссертации можно прочитать: «Теоретической базой анализа трансформации российской элиты послужили следующие концепции и подходы: 1) классовой теории К. Маркса, признающей приоритет экономической стратификации общества над политической; 2) элитистской концепции Г. Моски, В. Парето, Х. Лассуэлла, признающей приоритет политической стратификации общества над экономической; 3) теории М. Вебера о бюрократии; 4) теории П. Бурдьё о «политическом поле» и конвертации различных типов капитала, развитой впоследствии российскими учеными О. Шкаратаном и В. Радаевым; 5) теории модернизации и транзита, который совершают страны, вставшие на путь демократизации. Основоположником «транзитологии» можно считать С. Хантингтона, идеи которого впоследствии получили развитие в трудах российских ученых А. Мельвиля, В. Пантина и др.; 6) важную методологическую роль в анализе социальной структуры российского общества в период трансформации конца XX — начала XXI в. сыграли работы О. Шкаратана, Т. Заславской, В. Радаева, Н. Тихоновой, В. Амелина, К. Пинчука и др.» (Крыштановская 2004: 6)**. Такой подход — «все годится» — подразумевает согласие в основополагающих определениях (элит, общества, власти, трансформации и т.п.). Однако те же Джон Хигли и Гвен Мур в цитируемой выше статье с неохотой признают: «Конечно, тем не менее существуют исследователи, использующие термин “элита” для обозначения более обширной высшей и средней страты привилегированных людей» (Higley, Moog 2001: 176) и ссылаются в качестве примера на Р. Колльера (Collier 2000: 17–19). Такие ученые есть и в России. И не только такие. Поэтому имеет смысл провести некоторую «рекогносцировку» исследовательского пространства для того, чтобы понять, что мы имеем в виду, когда пишем «элита»***. В данной статье я не буду стремиться провести инвентаризацию подходов, теорий и текстов. Задача несколько иная — понять возможные теоретические основания изучения элит, а иногда только поставить соответствующие вопросы. В этом отношении данный текст является продолжением появившихся ранее статей (Дука 2000; 2002; 2005а).

В значительной степени ответ на вопрос, что такое элиты, зависит от теоретической традиции, на которую опирается автор, и связанным с ней представлением об обществе, а также социального контекста, в котором проводится исследование.

* Закавыченные слова внутри цитаты принадлежат Р. Патнэму: (Putnam 1976: 11).

** Подобное включение разнообразных подходов и теорий не редко и происходит не только у диссертантов-социологов. См., напр.: (Горбунов 2004: 8; Круглик 2007: 7 и др.).

*** Иногда у ученых писателей бывает довольно смутное представление об этом предмете. К примеру, встречается и такое определение: «Элита — это операционально нефиксируемое образование, формирующееся в процессе политической социализации и участия в политическом действии» (Смирнова 2006: 54). Как будто другие «образования» не формируются в указанных процессах.

Здесь необходимо иметь в виду несколько важных исходных моментов. Во-первых, теории социума напрямую зависят от состояния общества, в котором они производятся (возникают). И здесь важны базовые структуры, институты, конфликты и проч. Во-вторых, содержание анализа непосредственно связано с его «метафизическими и идеологическими основаниями». Еще Фридрих Ницше отмечал: «Строго говоря, нет науки “без предпосылок”, такая наука немыслима, самая мысль о ней паралогична: всегда должна иметься философия, “вера”, из которой бы наука получила свое направление, смысл, границу, метод, право на существование» (Ницше 1990: 136). В качестве примера можно привести описание классического капиталистического общества, сделанного К. Марксом, М. Вебером, Г. Спенсером, Э. Дюркгеймом, В. Зомбартом и др.; постиндустриального общества, сделанного О. Тоффлером, Д. Беллом, А. Туреном, М. Кастелсом и др. То же самое можно продемонстрировать и в отношении социологических теорий и концепций «организованного капиталистического общества», «социалистического общества» и т.п., а также и политологических построений*. От состояния (этапа развития, культурной определенности) социума, теоретической традиции и идейных предпочтений (включая «общественный темперамент») исследователя зависит, *что и как* изучается. Большинство «классических» социальных теорий центрированы на обществе и элите, соответственно, общественно детерминированы. Неклассические теории могут по-иному выстраивать социальное пространство. Ален Турен, например, прямо заявляет, что «понятие общества должно быть исключено из анализа общественной жизни» (Турен 1998: 18). Соответственно и возможные представления об элитах будут «завязаны» на иных теоретических «константах». Продолжая рассматривать приведенный пример, можно увидеть, что властные группы в туреновской системе координат несколько иначе ориентированы и их поведение иным образом детерминировано, чем в классических социальных теориях. В связи с этим ученый пишет: «Корреляция между социальными статусами и социальным поведением говорит нам о логике системы, но еще не о логике акторов. Следовательно, мы должны вообразить другие методы, позволяющие понять актора как автономное существо, как агента трансформации его окружающей среды и его собственной ситуации, как творца воображаемых миров, как восприимчивого к ссылкам на абсолютные ценности или существо, вовлеченное в любовные отношения. Такого рода практики и поведение требуют иного типа анализа» (Touraine 2000: 900). События социальной жизни оказываются не связанными в некоторую систему («ансамбль»), внешнюю в отношении элит, а выступают производными их воли (Touraine 2000: 907). Смещение внимания, когнитивного акцента ученого сразу же сказывается не только на исследовательском пространстве, но и на возможных выводах.

Приступая к исследованию элиты, скорее всего первоначально надо обратиться к тому, где и почему возникают элиты (или иные властные группы). Самый простой ответ на первый вопрос — в обществе. Причем в диф-

* О конкретно-исторических корнях социальных концепций, включая «циркуляцию элит» см.: (Миллс 1998: 175).

ференцированном и сложно структурированном обществе. Основания дифференциации могут быть различными, но важно, что выделяющаяся при этом группа (элита) оказывается на позициях, позволяющих ей доминировать. Другими словами, она может *определять* символически и практически положения и действия других групп. Но эти действия являются отнюдь не односторонними и произвольными. Они предполагают известное согласие определяемых. То есть само общество включает необходимый момент принятия, возникающей внутри него, но одновременно и возвышающейся над ним иерархии*. В этом отношении понять (и исследовать) властные группы означает понять и исследовать само общество. Однако в научной и аналитической практике так случается далеко не всегда, чему имеются не только эпистемологические причины. Из работ, где такая связь состояния общества и его властных групп в историческом аспекте исследуется, можно назвать книгу Филда и Хигли (Field, Higley 1980).

В зависимости от теоретической модели общества мы выбираем и значимые основания выделения доминирующей группы и отвечаем на вопрос почему возникают элиты? Ранние классические теории элиты были производными метафизических и общесоциологических представлений своего времени. Они создавались в позднее классическое капиталистическое общество, в значительной степени связанном еще с традиционным. Данное обстоятельство следует принимать в расчет. В связи с этим уместно будет привести слова Вернера Зомбарта о различии социальных акторов и их мотивационного комплекса на разных этапах общественного развития: «Мы должны, прослеживая источники капиталистического духа, уяснить себе, что условия его возникновения также в основе различны, *смотря по эпохам капиталистического развития*. Главным образом и здесь следует помнить о различии между эпохой раннего капитализма и эпохой высокоразвитого капитализма. Если захотеть кратко и выразительно охарактеризовать различное положение, которое занимал в прежнюю и занимает в нашу эпоху хозяйствующий субъект, то можно сказать: в эпоху раннего капитализма предприниматель делает капитализм, в эпоху высокоразвитого капитализма капитализм делает предпринимателя» (Зомбарт 2005: 244). Соответственно элита возникающего буржуазного (индустриального) общества, исследовавшаяся классиками, являет собой нечто совершенно иное, нежели элита современного развитого западного глобализирующегося общества. Иной

* Отсюда исследовательская задача, понимаемая в самом общем виде, словами Жюль Делеза и Феликса Гваттари может быть сформулирована следующим образом: «Вычлени единственное из множества, чтобы его установить; писать в n – 1. Такая система может быть названа ризомой» (Делез, Гваттари 1996: 11). Ссылаясь на Делеза и Гваттари, здесь я имею в виду особый тип системности, являющийся и предметом исследователя, и способом его познания. Если *аналитически* разделить, то первое связано с представлением общества как элитно (или, по крайней мере, иерархически) организованного на всех уровнях, и характеристики элиты детерминированы качественной определенностью конкретного общества. В этом смысле жесткого противопоставления элита-неэлита нет. Они — части одного общества. Второе связано с возможностью исследования элит посредством изучения других сегментов или общих социетальных характеристик.

контекст и иные социальные связи, структуры, институты, требующие другого теоретического инструментария. Нарождающиеся новые российские властные группы существенно отличаются от тех, которые приходили на смену аристократии традиционного общества в Европе, что не всегда принимается в расчет отечественными исследователями, ссылающимися на «классиков», в частности и на В. Парето.

Теория элит и возникла отчасти как теория объяснения прихода новых «господ», и как антитеза обоснованию задачи уничтожения их в принципе. Наиболее это очевидно в концепции Парето, социологическая система которого «антимарксистская и одновременно антибуржуазная. Она антирационалистическая, но также антиидеологическая. Она антипарламентская, но и антиавторитарная» (Finer 1968: 445). В такой в определенном смысле маргинальности вполне естественным оказывается синонимичность употребления в его работах терминов «элита», «аристократия», «правлящий класс». И само понятие «элита» определяется им в духе первосмысла (само)определения аристократии (власть лучших)*. В этом смысле властная элита предстает как аристократия, оформленная в правящий класс**. И вполне естественно, что социальный анализ, и отношение к властным группам В. Парето имеют точку зрения старого общества, проникнуты очевидными моральными критериями докапиталистической эпохи***. Именно поэтому у него можно обнаружить такой накал страсти: «... необходимо, чтобы синдикалисты или нечто подобное мужественному простонародью поднялись бы из глубин и смели бы нашу выродившуюся элиту» (Pareto V. Lettere Maffeo Pantaleoni, 28 January 1908. Цит по: Finer 1968: 449.). Но при этом критика не становится антисистемной: не против элит как таковых и самого принципа иерархии, но за приход новой элиты, возможно даже и из профсоюзной среды. В основе данной теоретической и политической позиции лежат вполне определенные представления об обществе. Оно гетерогенно, иерархично и *принципиально* неизменно (хотя в зависимости от доминирования того или иного класса производных и остатков, социально-политическая организация может быть различной), так же как и нравственные критерии, прилагаемые к поведению в публичной сфере. Поэтому и сменяющие друг друга элиты во все времена бывают вполне определенных двух типов****. Циркуляция элит здесь связана с представлениями о цикличности истории и общества.

* Именно эту особенность подхода В. Парето, принципиально отличающего его от Г. Моска, подчеркивает Ренцо Серено (Sereno 1962: 44-45). Необходимо также иметь в виду различие в бытовании самого слова «элита» в разных языках и в разное время. См.: (Sereno 1938: 515).

** Представляется, что равнозначность употребления терминов «элита» и «аристократия» связано в том числе и с достаточно недавним для того времени использованием «аристократии» не в аристотелевском смысле (для характеристики режима, образа политического правления), а для обозначения определенной социальной группы: рубеж XVII—XVIII вв. В XIX в. этот термин стал широкоупотребимым (см.: Федоров 2005: 36-37).

*** Существует также точка зрения о неморальности и неметафизичности подхода Парето. См.: (Ашин 2004: 81).

**** В известной мере это является упрощением и обобщением. В поздних работах В. Парето описание общественной эволюции несколько иное, чем в раннем творчестве.

В этом обществе господствует иерархический индивидуальный отбор в элиту на основе персональных достижений (что не исключает коллективность, «стайность»). Крайним проявлением такого рода представлений является биоморфность социальных процессов с зооморфной аналогией («львы», «лисицы»). Любопытно, что, если у самого Парето в качестве синонимов, одновременно содержательно иллюстрирующих существо двух типов элит, встречаются «спартанцы» и «афиняне», то в подавляющем большинстве российских авторы используют только «звериную» персонификацию, забывая при этом первоисточник*. Первоначальная метафора становится столь заволаживающей, что, скорее, «элита» оказывается метафорой**. «Развитие» образности классических текстов связано как с увеличением бестиария, так и с уточнением номенклатуры. Так, например, одна исследовательница вводит для описания уральской экономической элиты следующих хищников: «старые медведи», «осторожные львы», «молодые волки» (Галиуллина 1999). Скорее всего данный ряд животных связан с определенной социализацией — иные сказки и басни рождают и иные ассоциации.

Безусловно, у Парето активность элиты — важный элемент социальной жизни. Они определяют существование неэлит, господствуют, манипулируют, подавляют, но сами они зависимы от законов развития. Молодой — зрелый — старый: типичные представления относительно социального организма и его эволюции, а также культуры (см., например, работы Н.Я. Данилевского, О. Шпенглера, Ф. Ратцеля и др.). Доказательной базой такого рода воззрений являлась очевидность природного круговорота, рождение и смерть живых существ. Последний великий всплеск этой метаисторической традиции в XX в. — теория А. Тойнби.

Часто именно философско-историческое свойство концепции В. Парето и не замечается российскими исследователями, ссылающимися на него и его теорию элит. Безотносительность социальному времени и контексту в рассуждениях о смене элит приводит к представлениям и высказываниям психофизиологического рода: «Перерождение элит так же естественно, как рак мочевого пузыря или прямой кишки» (Проханов 2002: 1). В менее вульгарной форме приход новых властных групп рассматривается просто как смена индивидов, поколений или времен года.

Следует, однако, сказать, что большинство современных зарубежных авторов-обществоведов склонно использовать, скорее, терминологию классика, но не дух его. Это отчетливо видно на понятии «циркуляция элит», наполняемом иным содержанием***. Оговорка насчет обществоведов не-

* «Итак, раз князь вынужден хорошо владеть природой зверя, он должен взять примером лисицу и льва» (Макиавелли 1996: 85, также: 91).

** «Суть метафоры — это понимание и переживание сущности одного вида в терминах сущности другого вида» (Лакофф, Джонсон 2004: 27).

*** См.: (Szelényi, Szelényi 1995). Развитие проблемы циркуляции и работка ее вариантов в связи с политическим и социальным контекстом см.: (Higley, Lengyel 2000). Есть исследователи, рассматривающие циркуляцию элит в более широком историко-обществоведческом плане, усматривая идею «циркуляции в элитарных кругах» еще у Платона

обходима для отделения от писателей из других областей знания и иных сфер деятельности, пишущих про элиты. Здесь существует естественная экстраполяция виденного и исследуемого в рамках своей профессиональной и повседневной активности на человеческое сообщество и элиты*.

Возвращаясь к представлениям В. Парето относительно общества и элит, можно задать вопросом о границах применимости его теории (если она вообще применима) к постсоветской действительности и о возможности ее быть «теоретической базой анализа». Представляется, что необходимо исходить из «стандартных критериев оценки адекватности теории». В изложении Томаса Куна они следующие: точность, непротиворечивость, область приложения, простота и плодотворность (Кун 1996). Понятно, что проверка указанными критериями относится не только к построениям Парето: они лишь пример, и последующие рассуждения имеют более общий характер.

Кратко попробую проиллюстрировать возможность соотнесения предложенных позиций и теории. Точно ли отражают нашу реальность критерии выделения элиты «по Парето»?** С первого взгляда, *в принципе* — да. Но возникают неудобные вопросы о конкретных персонах и здесь исследователь должен или их игнорировать, или включать уточнения вроде «Ну, это не настоящая элита», переводя проблему в иную плоскость (см., напр.: Тощенко 1999; Койчужев 2007)***. Понятно, что совпадение ряда позиций и слабая диверсификация институтов не создавала значительных методологических проблем на рубеже XIX–XX вв. У В. Парето читаем: «... правящая элита носит ярлык, соответствующий высоким политическим постам: министров, сенаторов, депутатов, вершителей правосудия, генералов, полковников и так далее. Соответственно исключение надо сделать для тех, кто попал в эту высокопоставленную компанию, не обладая качествами, соответствующими тем ярлыкам, которые они носят» (Парето 2004: 133 [§ 2035]). Но дело в том, что качества, необходимые для попадания, соотносятся с институтами, в которых те или иные «ярлыки» обозначают высшие пози-

(Смирнова 2006: 48). К слову, у этого автора в той или иной степени о циркуляции элит (впрочем, как и об элитах вообще) писали почти все сколько-нибудь видные ученые и философы. Так сказать, всеобщая мысль о всеобщем круговороте. Здесь следует сказать, что представления о древних корнях достаточно распространены в отечественной литературе, особенно в учебниках по элитологии. И этому есть определенные основания. Однако необходимо иметь в виду такие явления в науке, как «предвидение», «предоткрытие», «предвосхищение», «псевдопредвидение». См.: (Мертон 2006: 27–50). Помимо этого, следует сказать, что работы по элитам обладают большой интертекстуальностью.

* См., например, зоологическое описание: (Коннифф 2004). Следует отличать биоморфизм от попыток выявления антропометрических, ментальных и иных различий социальных страт. Последнее в своей интенции близко подходу В. Парето. См., например: (Сорокин 2005: ч. 3. Население различных социальных слоев).

** В данном случае из-за достаточной известности классического определения позволю себе просто сослаться на источник: (Парето 2004: 131–132 [§ 2027]). См. также во многих учебниках по политологии и теории элит.

*** Представляется, что такого рода рассуждения, скорее, вненаучные и порождены тем, что Г. Лассуэлл с коллегами назвал «галозэффектом» научных понятий в социальных науках (Lasswell, Lerner, Rothwell 1952: 6).

ции. Это означает, что исключения могут таковыми и не быть. Различия между индивидуальными характеристиками *per se* и требованиями к личности агрегированной, то, что можно назвать институционализированной индивидуальностью, зачастую бывают различными. Более того, внешне схожие институты содержательно могут весьма сильно различаться. В значительной степени это связано с иными, чем в классическую капиталистическую эпоху характеристиками общества, и соответственно иными требованиями к теории.

Двадцатый век значительно изменил контекст теоретизирования. Как верно отмечает Н.Л. Полякова: «Важнейшие фундаментальные характеристики обществ XX в. — *организованность, массовость, а главное — рефлексивно-проективный характер социальной практики*. <...> Концептуализация этих характеристик приводит к оформлению двух фундаментальных идеально-типических теорий обществ — *массового общества и общества организованного капитализма*» (Полякова 2004: 16). Теории элит в той или иной, как сказано выше, степени соотносятся с общесоциальными концептуальными моделями. Особенность отечественной элитологии в том, что для нее указанные выше проблемы — внешние. Общество хотя и было массовым, но не капиталистическим. Трансформации последних полутора десятилетий принципиально не изменили ситуацию. Поэтому рецепция западных концепций часто носит искусственный характер, и остаются «популярными» у массового обществоведческого пользователя теории столетней выдержки*.

Тем не менее утверждать, что подход к выделению элиты Парето неточен, было бы не вполне правильным. Он в современном обществе односторонен. Так как это общество характеризуется значительной бюрократизированностью и возвышением роли формальных государственных, экономических и общественных институтов, устанавливающих и закрепляющих иерархию с помощью правовых и иных инструментов и все в большей степени пытающихся нормировать как можно больше сфер жизни.

По всей видимости, существуют две параллельных (иногда совпадающих) элиты в любом институциональном порядке. Под последним понимается система институтов внутри социальной структуры общества, имеющих сходные цели и результаты своей деятельности и объективно выполняющие схожие функции (см.: Gerth, Mills 1964: 25). Другой вариант объяснения связан с одновременным сосуществованием, как минимум, двух вертикалей, на вершине которых находятся элиты. Каждая представляет собой особый институциональный субпорядок. Первый тип элиты интегрирует и структурно стабилизирует активность в рамках данной сферы деятельности (см., например: Манхейм 1994; Тоффлер 1999: Гл. 5. Технократия; Keller 1968 и др.). Условно ее можно назвать «институциональной элитой». Второй тип элиты задает образцы поведения, деланья, мысли, стиля, образа жизни — то, что связано с производством и воспроизводством культуры группы, слоя,

* Особенно это заметно в учебной литературе. Помимо этого, следует сказать, что из зарубежных источников, доступных на русском языке, оказываются в основном работы Парето и Михельса. См.: (Властные элиты и номенклатура 2001).

общества (см., например: Веблен 1984; Уорнер 2000; Warner 1964). Отсюда ее возможное определение как «культурной элиты». Особенно это различие очевидно в «творческих» видах деятельности — искусстве, журналистике, науке, спорте и т.п.* Менее это заметно в политике, экономике, дипломатии, военном деле и других сферах, где существуют более жесткие принципы нормирования**. Первая элита занимает позицию и организует деятельность в масштабах группы, общества. Она зачастую формально определена и закреплена. Это статусные начальники, достижения которых в иерархических структурах более характеризуют саму структуру и принципы ее существования, чем человека, в ней функционирующего. Отсылаю здесь к цитируемому ранее А. Турену. Вторая элита являет индивидуальные достижения и занимается организацией *своей* и, иногда, своих учеников и последователей деятельности. И тем самым, поскольку эти достижения признаются всем обществом или его наиболее влиятельной частью, она задает нормы деятельности, ориентационные практики поведения, как правило, формально не закрепленные. Но есть и нечто общее у данных двух типов элит — *фиксация и определение социальных границ*. То, что конституирует данную группу как элиту. Однако способы, инструменты, ресурсы и легитимация различны. Отсюда различны системы и принципы стратификации, что и фиксируется исследователями как рассогласованность эмпирической реальности и теоретической ее интерпретации. Помимо этого, на ученого (шире — на читающую публику) влияют и функционирующие в обществе базовые нормативные представления идеально-типического свойства. Следует сказать, что позиции властных элит в значительной степени включают необходимость совмещения «культурной» и «институциональной» определенности в силу тотальности власти в современном обществе (см.: Nisbet 1966: Ch. 4. Authority) и господства бюрократии***. Отсюда стиль поведения и образ жизни представителей властной элиты может выступать как образец для подражания.

Как видно из предшествующих рассуждений, область применимости теории элит Парето существенно зависит от параметров общества, в котором исследуются властные группы. В качестве иллюстрации возьмем следующий пассаж классика: «Часто аристократии погибают от анемии. У них остается определенная пассивная отвага, однако не хватает отваги активной. Не перестаешь поражаться тому, как в античном Риме периода Империи многие аристократы, не сделав ни одной попытки самообороны, либо кончали самоубийством, либо легко давали убить себя только оттого, что этого

* Директор консерватории не обязательно должен быть музыкантом или даже иметь слух.

** Параллельные иерархические системы в условиях позднего государственного социализма описаны Р. Лэйном и К. Россом: «Планирующая и административная система, контролируемая политическим классом, и квазирыночная система с зарождающимся классом, обладающим интеллектуальными качествами и навыками». Отсюда два критерия стратификации: контроль над физическими активами и товарность умений, их пригодность для продажи (Lane, Ross 1998: 57).

*** См. о повышении роли бюрократии в политическом процессе в современном обществе: (Aberbach, Putnam, Rockman 1981: 1–23).

пожелал Цезарь» (Парето 1996: 116). Если отвлечься от очевидного психологизма, понятно, что изложенная ситуация возникает в обществе, где отсутствует «вакантность должностей»*. Совокупность властных позиций не является предметом повседневной публичной борьбы в масштабах всего общества. Социальная группа, приватизировавшая «набор ярлыков», сохраняет его в силу «традиционной брони» на основании происхождения и закрепления этого положения сословно-правовыми разграничениями. В этом смысле аристократия, говоря языком Сьюзен Келлер, принадлежит к одной институциональной семье, все же представляет собой иной властный институт, чем элиты современного общества (см.: Keller 1968a: 33). Соответственно и деятельность персон, входящих во власть, ее сохраняющих, за нее борющихся, подчинена разной логике в различных исторически определенных обществах. Другими словами, у Парето речь идет о другом типе властных групп, находящихся в другом социальном контексте. Необходимо поставить себе довольно простые вопросы: будет ли вести себя так же «от анемии» современная элита? Пожелай президент любой индустриальной страны, в которой есть хотя бы начатки демократии, самоубийства депутатов парламента или члена правительства, произошло бы это? Можно, конечно, возразить, что проявления анемии различны. Так, В. Парето пишет: «В этом отношении характерны суды присяжных. Они показывают, что буржуазия поощряет худшие порывы у плебса. И там, где происходят эти весьма странные вещи, раскрывается вся глупость и опасность проявляемой буржуазией сентиментальности» (Парето 1996: 117). И вроде бы так и есть. Но «поощрение плебса» является вещью необходимой в индустриальном обществе, если, конечно, элиты заинтересованы в эффективном функционировании общества и основных его подсистем, особенно, экономики (и тем самым сохранения себя как доминирующей в обществе группы). То есть действия властных групп, скорее, не «блажь», а следование объективной необходимости**. В то же время в традиционном обществе «потрафление» низам было не столь системно необходимо. Что связано в том числе с большей дистанцией в традиционном обществе между властными группами и остальным населением, чем в современном обществе (Higley, Burton 2006: 26). Претензии теории на всеохватность наталкиваются на вполне очевидные исторические ограничения.

Мириям Хасан показала, как в исторически более простой ситуации (промежуток всего в пятьдесят лет и в одной стране) политический контекст может влиять на способ описания и исследования властных элит (Nazán 2001: 220, обобщающая таблица). Обращаясь к российским научным проблемам, можно сказать, что различия в бытовании властных групп в советскую эпоху и после крушения советской власти значительно разнятся как между со-

* О вакантности элитных позиций см.: (Фюре 1998: 56).

** В переходных обществах, к которым принадлежит и Россия, данное обстоятельство не всегда очевидно. Отсюда возникают теоретические и публицистические тексты о специфике пути, особенностях культуры, предполагающей авторитаризм и персонализм власти, гипертрофированные ожидания масс от деятельности властных элит.

бой, так и с эпохой классического капитализма в Европе конца XIX в. Поэтому вопрос о применимости той или иной теории, разработанной в других исторических, социальных и политических условиях должен решаться, исходя из исследовательской задачи, теоретического контекста и прочих условий. В качестве еще одного аргумента можно привести слова известного исследователя элит Матеи Догана о том, что «теории, основывающиеся на американском опыте, не всегда могут быть экстраполированы на другие страны. Некоторые из этих американских теорий оказались не валидными при проверке в других национальных условиях» (Dogan 2003: 3).

Вышеизложенное, конечно, не снимает вопрос о возможной плодотворности применения теории элит В. Парето, но требует существенной переформулировки задач, которые ставит перед собой ученый. В формальной логике, как известно, есть правило вывода, по которому из неистинного суждения может следовать что угодно, в том числе и истина. В этом смысле возможны результаты от применения нерелевантной теории, заслуживающие внимания, но строгие научные выводы из данной «теоретической базы» было бы ожидать не совсем верно. Другое дело, научные ассоциации, отдельные фрагменты, помогающие уточнить контекст рассматриваемого конкретного случая.

Однако выбор теории не диктуется только лишь представлениями о научности. Как отмечает Т. Кун, «критерии, с помощью которых ученые определяют пригодность формулировки или применения существующей теории, сами по себе недостаточны для того, чтобы сделать выбор между двумя конкурирующими теориями» (Кун 2002: 564). Тем более что предложенные критерии выбора, «функционируют не как правила, которые определяют выбор, а как ценности, которые влияют на выбор» (Кун 1996: 72). В конкретном случае они могут таковыми и не быть.

Таким образом, мы приходим к проблеме выбора исследователя. Как и почему он выбирает те или иные теоретические основания? Как уже было отмечено выше, ученый выбирает на основании экстратеоретических и метатеоретических соображений. Но для него более существенным может оказаться фактор неосведомленности, при которой проблема выбора теории не стоит. Кроме того, для России еще вполне актуальны слова Ю.В. Андропова: «Мы не знаем страну, в которой живем». Перечисленные основания могут породить представления о (вынужденном) произволе в выборе теоретической модели. Тем не менее можно его минимизировать (если полностью не удастся избежать) путем постановки дополнительного вопроса: что мы ищем, что хотим получить? А также введения минимальных общесоциальных оснований.

Представляется, что последнее связано прежде всего с макроидентификацией российского общества — индустриальное ли оно? Рассмотренное на федеральном уровне, оно вполне может быть охарактеризовано как таковое. И, следовательно, к нему могут быть приложимы соответствующие теоретические концепции. Сложнее обстоит с регионами. В России суще-

ствуют территории, на которых система социальных отношений и выстраивание властных иерархий не вполне соответствует тому, что обычно связывается с модерном: традиционность норм, кровно-родственные связи как определяющие систему доверия и должностных назначений, особый тип социальности (отношения различных групп населения к власти и отношение их между собой в отношении политической власти) (см.: Фюре 1998: 46) и т.п. Это Северный Кавказ, Поволжье и ряд субъектов Российской Федерации на востоке.

В этом отношении весьма примечательны слова Хож-Ахмед Нухаева, бывшего в 1996—1997 гг. первым заместителем премьер-министра Ичкерии:

«Для возрождения нации просто нужно из главных принципов исходить: единобожие, общинная система и закон возмездия.

Как закон возмездия правильно трактовать? Как коллективную ответственность. Вот это, я считаю, достаточно для фундамента.

Второй момент: общинная система жизни. Не государственная, а общинная. А закон возмездия вписывается в общинное сознание. Кровная месть — это принцип возмездия, который не на индивидуальной ответственности основан, как в цивилизованных странах, а на коллективной.

При такой коллективной, общинно-кровно-родственной ответственности каждый человек попадает под строгий контроль своих родственников, ближних, он будет на виду и не сможет скрыть ни один свой серьезный проступок и ни один проступок не останется без наказания» (Хлебников 2003: 115—116).

Такого рода воззрения или в более мягкой форме догосударственнические представления бытуют не только в Чечне. Понятно, что функционирование и формирование властных групп в таких социумах в корне отличается от «стандартных европейских». Цитируемый выше политик описывает свое «прозрение» после участия в выборах 1996 г.: «Пока сам не столкнулся непосредственно с этими выборами, я не понимал, насколько это все ненормально» (Хлебников 2003: 175). Критерии нормальности с точки зрения различных акторов политического процесса оказываются разными и несовместимыми. Таким образом, когда исследователь пишет об элитах российского общества, скорее всего, необходимо учитывать состояние субобщества, качественной определенности территориальной общности при выборе теоретических ориентиров. В данной ситуации достаточно просто вслед за рядом ученых, сославшись на уровень социально-экономического развития части российских регионов, попытаться как-то иначе классифицировать властные группы соответствующих провинций*. Тем более что существующая (само)рефлексия не лишена определенных оснований: «Для того чтобы сработала государственная система, надо несколько веков, чтобы уничтожать, уничтожать, уничтожать кровно-родственные связи, расселять всех родственников, чтобы вместе не жили, ничего общего не имели»

* В частности, о связи между основными социетальными характеристиками и состоянием / формой / типом властных групп см.: (Keller 1968; Field, Higley 1980).

(Хлебников 2003: 183). Разные миры и смысловые универсумы, за которыми стоит разная история.

Но проблема заключается в наличии единого политического и правового пространства. Упрощенно проблему можно сформулировать следующим образом: принадлежат ли Матвиенко, Лужков, Кадыров, Алиев, Шаймиев Илюмжинов и другие губернаторы / президенты к одному типу политических деятелей? Все ли они принадлежат к российским региональным элитам? И являются ли, например, типологически идентичными игнорирование губернатором Санкт-Петербурга решений Уставного суда (см.: Попова 2005: 6) и внеправовой, внесудебный запрет на игровые автоматы в Чеченской республике (Кириллов 2005: 8)? То есть существуют ли в едином правовом и политическом пространстве по-разному (само)определяемые политические агенты? А если существуют, то как, и что это за агенты?

Скорее всего ответы на эти вопросы зависят от решаемых исследовательских задач и принимаемых исходных теоретических принципов.

Мне уже приходилось писать о различных *типах анализа* властных элит (Дука 2005а). В эмпирических и теоретических исследованиях властных элит прослеживается как минимум три возможных типа (ракурса, уровня) исследований. Каждый из них соотносится с определенными представлениями об элитах как образованиях в обществе. Во-первых, элиты могут быть представлены и исследованы как функциональные группы. Во-вторых, элиты могут быть проанализированы как определенный социальный слой. В-третьих, элиты могут быть рассмотрены как институты. Каждый из указанных вариантов исследований тяготеет к определенным теоретическим основаниям и обладает собственными объяснительными возможностями и ограничениями (см. табл. 1).

Исследование элит как *функциональных групп* фиксирует, что это совокупность персон, занимающих стратегические позиции в обществе или в его какой-нибудь подсистеме, позволяющим им принимать кардинальные решения, в том числе по поводу распределения и потребления общественных благ. Здесь анализ концентрируется, прежде всего, на структурном и функциональном аспекте существования властных групп. Приводимое в начале статьи определение Дж. Хигли и Г. Мур является наиболее полным вариантом идентификации элит в рамках данного типа анализа. Однако следует сказать, что и подходы В. Парето, и Г. Моска также можно отнести к рассматриваемому типу, несмотря на их существенное различие (Zuckerman 1977).

Что наиболее существенно в контексте рассматриваемых проблем, так это возможность анализа, включая сравнительного, властных групп разного типа и функционирующих в обществах разного уровня развития и различных культур.

Таблица 1. Типы анализа властных элит

Тип анализа	Аналитическая проблема в рамках общей теории	Элита как предмет анализа	Основные исследовательские вопросы при изучении элиты	Основные авторы*
Институциональный	Стабилизация общества в целом и его подсистем	Элита как институт	Соотношение элиты и стабилизируемого института.	Ч.Р. Миллс, Х. Герт, С. Келлер
Стратификационный	Социальная дифференциация. Разделенность и идентичность социальных групп. Демаркация и солидарность.	Элитный слой, страта. Правящий класс	Образ жизни, стиль жизни. Механизмы воспроизводства элиты.	Т. Веблен, У. Уорнер, У. Домхофф, П. Бурдьё
Функциональный	Деятельность, функционирование определенных социальных групп, институтов и институций	Элита как общесоциетальный коллективный принципал	Способы осуществления доминирования, общесоциальное регулирование, контроль, структурирование общественных (под)систем, институциональный дизайн.	В. Парето, Г. Моска, Г. Лассуэлл, Ч.Р. Миллс, Г.Л. Филд, Дж. Хигли
		Элита как функциональная группа	Образцы поведения, групповые стереотипы поведения, групповые ориентации. Социализация, рекрутирование.	Р. Даль, У. Домхофф, большинство исследователей

* Часть исследователей использовала в своих исследованиях различные типы анализа.

Конечно, помещая столь отличающихся друг от друга авторов в один кластер, я совершаю определенное насилие над материалом. Всякая схема огрубляет реальность. Тем более, включая в себя определенные слова-коды вроде «структуры», «функций», сам текст приводит читателя к определенным научно-методологическим ассоциациям. В данном случае рассмотрение элит как функциональных групп очевидно тяготеет к функциональному анализу. Собственно, многие положения авторов, исследующих элиты в данном ключе явно или неявно опираются на принципы анализа Т. Парсонса (подробно см.: Дука 2005а). Что же касается более ранних (классических) работ, то их «функционализм» в этом отношении можно было бы ус-

ловно назвать «дотеоретическим». Принципиально важно здесь, что, элиты в рассматриваемых теоретических схемах, занимая определенное место в иерархически упорядоченной системе, выполняют вполне определенные функции. Удобство и известная «функциональность» такого рода анализа повлияли на широкое распространение данного типа исследований. Большинство зарубежных и отечественных авторов пишут именно в этом ключе.

Вместе с тем следует отметить, что в рамках классического функционализма описание властных элит обладает известной статичностью. Это связано с тем, что анализ строится вокруг существования и функционирования системы как целостности, а внутренняя структура системы исследуется в связи с «четырьмя типами независимых переменных: ценности, нормы, коллективы и роли» (Парсонс 1998: 18). Элиты здесь системно определены и выполняют функции по стабилизации и сохранению системы. Однако эмпирическая реальность бросает вызовы такой схеме. Решение проблемы внутренней динамики системы было связано с принципиальным выходом за рамки системного функционализма за счет подчеркивания субъективного фактора. Элиты оказываются активным игроком. Развитие представлений об элитах как функциональных группах демонстрирует два основных варианта. Первый концентрирует основное внимание на исследовании внутренней структуры элит и взаимоотношений их различных фракций. В частности весьма важным для анализа оказывается переговорный процесс внутри элитного сообщества в период социально-политических кризисов, создающий внутреннюю динамику (см., например: Burton, Higley 1987; *Elites and Democratic Consolidation* 1992 и др.). Второй вариант связан с теоретическим синтезом классового анализа и элитного (см.: Peeler 2001).

Общество при данном типе исследования может представлять собой как систему институтов и социальных ролей, так и совокупность различного рода конфликтующих сообществ. Историко-социальная определенность самого общества и действующих групп (см, например: Field, Higley 1980) может быть до известной степени факультативной. Последнее связано с тем, насколько для нас важно определить функции властной группы в конкретном обществе во всей совокупности его социетальных определенностей и насколько эти функции совпадают или разнятся с тем, что выполняют властные группы в других обществах. Если же анализ предполагает решение более узких исследовательских или прикладных задач, то можно вполне абстрагироваться от особенностей, например, калмыцкого властного сообщества и рассматривать его как аналогичного московскому.

В изучении элит как *социального слоя* авторы демонстрируют иной научный стиль и метод. Естественно, что теоретические основания также отличны. Здесь наиболее релевантными являются труды Т. Веблена, М. Хальбвакса, П. Бурдьё, У.Л. Уорнера, У. Домхоффа и др. В значительной степени исследования элит как социального слоя (класса) тяготеют к институционализму, марксизму, структурализму, символическому интеракционизму. Основные категории анализа — стиль и образ жизни, символическое поведение, коллективные репрезентации и культурные демаркации.

Один из основных вопросов в рамках данного типа исследования — вос-

производство властной группы. Причем оно возможно, естественно, не как индивидуальная передача «ярлыков», а как групповое поддержание условий, создающих возможность сохранения власти в «своем кругу», и, конечно, сохранение, стабилизация этого «круга». «Все правящие классы стремятся стать наследственными если не по закону, то фактически» (Моска 1994: 193). Возникающий, культивируемый и воспроизводимый стиль, образ жизни создает не только необходимые демаркации и идентификации, но и способствует легитимации и временной трансмиссии: «Божественная самоуверенность и властное самодовольство, подобные тем, которыми обладает человек, привыкший требовать подчинения, не тревожась о дне грядущем, даются от рождения и являются мерилом оценки благородного господина, достойного самого высокого положения; а по общему представлению, даже более того, такая манера поведения принимается как качество, присущее превосходящему достоинству, перед которым низкорожденный простолюдин счастлив склониться и уступить» (Веблен 1984: 96). Деятельность властных групп в рассматриваемом аспекте направлена не столько на исполнение социетальных функций, сколько на самосохранение себя как определенной общественной страты. «Те, кто занимает место на вершине на протяжении всего лишь одного-двух поколений, чаще всего становятся теми самыми людьми, которые и фактически, и символически препятствуют социальному и экономическому продвижению людей, занимающих низшие позиции. Этот класс людей отчаянно нуждается в том, чтобы удерживать под своим контролем процессы, посредством которых люди вступают в их группу и становятся ее частью. Кроме того, для ощущения собственной безопасности и стабильности им необходимо осуществлять строгий контроль над силами (или каналами), открывающими социально мобильным людям возможности для успешного продвижения» (Уорнер 2000: 47). Хорошей иллюстрацией из сегодняшней России, показывающей позиции ее новых «хозяев жизни» могут быть слова Михаила Боярского: «Я для начала поднял бы налоги на машины в десять, нет, в двадцать раз. Поднял бы цены на бензин, на автозапчасти. Чтобы машина стало очень дорогим удовольствием для избранных. Обязательно ввел бы платный въезд в центр города. И не просто платный, а установил бы очень высокую цену. Тогда не будет заторов, не будет дребезжащих и на ходу теряющих детали развалюх на дорогах. Люди перестанут опаздывать на встречи, тратя несколько часов на стояние в пробках» (Боярский 2005: 102).

Временная перспектива является одним из важнейших факторов, влияющих на стабилизацию положения в системе власти и на упрочение комплекса коллективной репрезентации: «Благородная кровь — это кровь, благородная длительным соприкосновением с накопленным богатством либо высокими привилегиями» (Веблен 1984: 98). Символическое обозначение персонально и коллективно присущих качеств («благородство») и соответственная номинация («элита») — неотъемлемая характеристика функционирования господствующих групп. Теоретически это может интерпретироваться и описываться под различным концептуальным углом зрения. На-

пример, в рамках социоанализа П. Бурдьё возможно описание через групповой контроль над различными видами капитала, обеспечивающий социальный контроль и господство. Причем эффективность использования капиталов связана с обеспечением правил и условий их взаимной конвертации, что приводит к тотальной власти в масштабах всего общества.

Общество в наиболее общем плане при таком анализе предстает как система иерархий, связанных с распределением общественных благ и занятых различными общественными группами, стремящимися как минимум сохранить свои позиции, а при благоприятных обстоятельствах — занять более высокие.

Культурный аспект описания и анализа элит может быть доминирующим. Культура здесь именно то, что может быть движущей силой изменений, основой воспроизводства властных отношений, генератором определенного типа социальности. Что касается базовых социальных отношений, то здесь важными являются принадлежность представителей различных общностей к одной совокупности норм и предпочтений, к одной когнитивной и коммуникативной компетенции и выстраивание единых систем тождественности и отличий (см.: Терборн 1999: 83–86). В определенном смысле иллюстрациями значимости данного фактора могут быть исследования Р. Патнэма и Ф. Фукуямы (при том, что они направлены на объяснения явлений более широкого плана) (Патнэм 1996; Фукуяма 2004). Особое значение указанные работы имеют в виду (социо- и этно-)культурной гетерогенности России. Элиты в контексте общества как системы культурно определенных общностей могут выступать как элементами интеграции данного общества, так и дезинтегрирующим фактором.

В рамках этого направления анализа изучение образовательных стратегий и практик, а также выстраивание институтов образования, нацеленных именно на задачу воспроизводства властных элит, одно из наиважнейших (см.: Ашин 2005а; 2005б).

Исследование элит(ы) как специфического *института общества*, который при известных условиях может выступать как основной или институционализирующий, связано с представлениями об интегрирующей и стабилизирующей функции института (подробно см.: Дука 2000; 2002; 2005а; дискуссию см.: Орех 2007: 297–298). В социальных науках существует несколько «базовых» подходов к институту. Не вдаваясь в подробности дискуссии, укажу лишь на релевантные в данном контексте представления исследователей элит.

Прежде всего, элиты могут быть рассмотрены (и рассматриваются) как группы, контролирующие стратегические позиции в обществе или его подсистемах (структурах, институтах) и, в связи с этим, общественные ресурсы. Сами эти группы, будучи упорядочены, структурированы и рутинизированы в своем существовании, в виду объективированности целей своей деятельности уже являются институтами (Feibleman 1968: 19–20). Важной составной частью таким образом понимаемых институтов является инкорпорированность в них внутренних норм поведения и понятность заяв-

ленных устремлений и целей (Feibleman 1968: 20–21)*. В связи с этим и возникает вопрос насколько данная группа установилась как институт, другими словами — институционализировалась. Джеймс Файблеман в этом отношении делает принципиальное различие между социальной группой и институтом. Собственно, проблема рутинизации и институционализации, описанная П. Бергером и Т. Лукманом лежит в этой же плоскости (Бергер, Лукман 1995).

Контроль позиций и ресурсов обеспечивает легальную и легитимную возможность принимать кардинальные и конечные решения, доминировать в формальных институтах, определять и контролировать правила их функционирования, задать направленность их деятельности, координировать их работу. Если отвлечься от личностной составляющей властных групп, то можно определить существо их активности как стабилизирующее в отношении социальных подсистем и всего общества. В этом отношении они выступают элементами (частями) институтов и институциональных порядков (Gerth, Mills 1964). Но это означает, что само общество посредством данных институтов самоорганизуется и самоструктурируется, что является важнейшим фактором его стабилизации в пространстве и времени**. Еще одной функцией в масштабах всего общества является поддержание символического порядка, связанного с функционированием национально-государственной системы. Описанные функции связаны с деятельностью определенных социальных групп, которые и выступают специфическими институтами. В современных обществах — это элиты. Ранее данные функции исполняли правящая каста, аристократия (см.: Keller 1968a; 1968б). В данном случае общество предстает как упорядоченная система структурных и институциональных порядков.

Приведенные краткие характеристики возможных подходов к анализу властных элит показывают их специфическую направленность и границы применимости. Существующие ограничения носят, как представляется, методологический и теоретический характер. В значительной степени они связаны с базовыми представлениями об обществе, которые задаются состоянием самого общества и метатеоретическими воззрениями исследователя.

Литература

Ашин Г.К. История элитологии. М.: Издатель А.В.Соловьев, 2004.

Ашин Г.К. К социологии элитного образования // Власть и элиты в российской трансформации: Сб. научных статей / Под ред. А.В.Дуки. СПб.: Интерсоцис, 2005а. С. 80–93.

* По сути, этому пониманию института близка и веберовская трактовка (Вебер 1990: 537).

** Конечно, как справедливо замечает К. Касториadis: «Однажды установленный институт начинает автономизироваться, обретает инертность и свою собственную логику. В своем развитии и в результате своего воздействия на общество он выходит за пределы своей функции, своих целей и «смысла своего бытия». Очевидно и обратное: то, что представляется «вначале» как единство институтов на службе общества, оборачивается служением общества институтам» (Касториadis 2003: 125). Но это как раз и показывает в случае с элитой ее двойственную природу.

- Ашин Г.К. Проблемы элитного образования в зарубежной социологии // Социологические исследования. 20056. № 2. С. 87–95.
- Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995.
- Боярский М. Ответ на блиц-интервью. «Что бы вы хотели изменить в правилах дорожного движения?» // Лиза. 2005. № 36. 5 сентября. С. 102.
- Вебер М. О некоторых категориях понимающей социологии // Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. С. 495–546.
- Веблен Т. Теория праздного класса. М.: Прогресс, 1984.
- Властные элиты и номенклатура: Аннотированная библиография российских изданий 1990–2000 гг. / Отв. ред. А.В. Дука. СПб.: Социолог. общ-во им. М.М. Ковалевского, 2001.
- Галиуллина Г. Региональная экономическая элита как субъект хозяйствования и управления // Трансформация российских региональных элит в сравнительной перспективе: Материалы межд. семинара (Тверь, 20–22 февраля 1998 г.) / Под ред А. Мельвиля. М.: Моск. обществ. научн. фонд; Изд. центр научных и учебных программ, 1999. С. 152–162.
- Горбунов Ю.В. Региональные политические элиты в современной России: институционализация и позиционирование: Автореф. дис. ... к. полит. н. Ставрополь, 2004.
- Делез Ж., Гваттари Ф. Ризома // Философия эпохи постмодерна: Сб. переводов и рефератов. Минск: Изд. ООО «Красико-принт», 1996. С. 6–31.
- Дука А.В. Властные элиты: социологический анализ // Элитизм в России: «за» и «против»: Сб. матер. Интернет-конференции, февраль–май 2002 г. / Под общ. ред. В.П. Мохова. Пермь: ПГТУ, 2002. С. 29–64.
- Дука А.В. Институционализация и социальное дистанцирование властных элит // Власть, государство и элиты в современном обществе: Сборник материалов второго всероссийского научного семинара «Социологические проблемы институтов власти в условиях российской трансформации» (16–18 октября 2003 г., Санкт-Петербург) / Под ред. А.В. Дуки и В.П. Мохова. Пермь: Пермский государственный технический университет, 2005а. С. 24–40.
- Дука А.В. Исследования элит: поиск теоретических оснований // Власть и элиты в российской трансформации: Сб. научных статей / Под ред. А.В. Дуки. СПб.: Интерсоцис, 2005б. С. 11–29.
- Дука А.В. Перспективы социологического анализа властных элит // Журнал социологии и социальной антропологии. 2000. № 1. С. 64–82.
- Зомбарт В. Буржуа: Этюды по истории духовного развития современного экономического человека // Зомбарт В. Собр. соч.: В 3 т. СПб.: «Владимир Даль», 2005. Т. 1. С. 23–478.
- Касториадис К. Воображаемое установление общества. М.: Изд-во «Гнозис»; Изд-во «Логос», 2003.
- Кириллов Р. «В Чечне игорного бизнеса больше нет» // Известия. 2005. 26 августа. С. 8.
- Койчуев Т. Элита постсоциалистического общества. Кого к ней относить? // Общество и экономика. 2007. № 5–6. С. 2–12.
- Коннифф Р. Естественная история богатых: Полевые исследования. Екатеринбург: У-Фактория, 2004.
- Круглик Н.В. Культура власти российской правящей элиты: Автореф. дис. ... канд. культурологи. Краснодар, 2007.
- Крыштановская О.В. Трансформация российской элиты (1981–2003 гг.): Автореф. дис. ... д-ра социол. наук. М., 2004.
- Кун Т. Логика открытия или психология исследования? // Кун Т. Структура научных революций. М.: ООО «Издательство АСТ», 2002. С. 539–576.
- Кун Т. Объективность, ценностные суждения и выбор теории // Современная философия науки: знание, рациональность, ценности в речах мыслителей Запада: Учебная хрестоматия. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Изд. Корпорация «Логос», 1996. С. 61–82.

- Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М.: Едиториал УРСС, 2004.
- Макиавелли Н. Государь // Макиавелли Н. Государь. Рассуждения о первой декаде Тита Ливия. О военном искусстве / Предисл., коммент. Е.И. Темнова. М.: Мысль, 1996. С. 37–108.
- Манхейм К. Человек и общество в эпоху преобразования // Манхейм К. Диагноз нашего времени. М.: Юрист, 1994. С. 277–411.
- Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. М.: АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2006.
- Миллс Ч.Р. Социологическое воображение. М.: Изд. Дом «Стратегия», 1998.
- Моска Г. Правящий класс [Главы из книги] // Социологические исследования. 1994. № 10. С. 187–198.
- Ницше Ф. Генеалогия морали: Памфлет // Ницше Ф. По ту сторону добра и зла: Избр. произв. Л.: Сирин, 1990. Кн. 2. С. 3–147.
- Орех Е.А. Теоретико-методологические аспекты исследования элит в современной российской социологии // Российская социология: история и современные проблемы: Сборник научных статей, посвященный 70-летию Заслуженного деятеля науки России, академика РАЕН, почетного профессора СПбГУ А.О. Бороноева / Под общ. ред. Н.Г. Скворцова, В.Д. Виноградова, Н.А. Головина. СПб.: Изд. дом С.-Петербург. гос. ун-та, 2007. С. 288–300.
- Парето В. О применении социологических теорий // Социологические исследования. 1996. № 2. С. 115–124.
- Парето В. Трактат по общей социологии [Выдержки] // Осипова Е.В. Социология Вильфредо Парето: Политический аспект. СПб.: Алетейя, 2004. С. 77–159.
- Парсонс Т. Система современных обществ. М.: Аспект Пресс, 1998.
- Патнэм Р. Чтобы демократия сработала: Гражданские традиции в современной Италии. М.: Ad Marginem, 1996.
- Полякова Н.Л. XX век в социологических теориях общества. М.: Изд-во «Логос», 2004.
- Попова О. Александр Осоцкий: Жить по стандартам Средневековья? [Интервью с заместителем председателя Уставного суда А. Осоцким] // Дело. 2005. 5 сентября. № 31. С. 6.
- Проханов А. Красный селезень с черной отметиной // Завтра. 2002. № 23. Июнь. С. 1.
- Смирнова И.С. Образ лидера и политической элиты в прессе Великобритании. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2006.
- Сорокин П.А. Социальная мобильность. М.: Academia; LVS, 2005.
- Терборн Г. Принадлежность к культуре, местоположение в структуре и человеческое действие: объяснение в социологии и социальной науке // Теория общества: Фундаментальные проблемы: Сб. М.: «КАНОН-пресс-Ц», «Кучково поле», 1999. С. 73–102.
- Тоффлер Э. Третья волна. М.: ООО «Фирма “Издательство АСТ”», 1999.
- Тощенко Ж.Т. Элита? Клань? Клики? Как назвать тех, кто правит нами? // Социологические исследования. 1999. № 11. С. 123–133.
- Уорнер У. Живые и мертвые. М.; СПб.: Университетская книга, 2000.
- Федоров С.Е. Раннестюартовская аристократия (1603–1629). СПб.: Алетейя, 2005.
- Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию. М.: ООО «Издательство АСТ»; ЗАО НПП «Ермак», 2004.
- Фюре Ф. Постижение Французской революции. СПб.: ИНАПРЕСС, 1998.
- Хлебников П. Разговор с варваром: Беседы с чеченским полевым командиром Хож-Ахмедом Нухаевым о бандитизме и исламе. М.: «Детектив-Пресс», 2003.
- Aberbach J.D., Putnam R.D., Rockman B.A. Bureaucrats and Politicians in Western Democracies. Cambridge, Mass.; London: Harvard Univ. Press, 1981.
- Burton M.G., Higley J. Elite Settlements // American Sociological Review. 1987. Vol. 52. № 3. P. 295–307.

- Collier R.B. *Paths Toward Democracy: The Working Class and Elites in Western Europe and South America*. New York: Cambridge University Press, 2000.
- Dogan M. Introduction: Diversity of Elite Configurations and Clusters of Power // *Comparative Sociology*. 2003. Vol. 2. № 1. P. 1–15.
- Elites and Democratic Consolidation in Latin America and Southern Europe / Ed. by J. Higley and R. Gunther. Cambridge: Cambridge University Press, 1992.
- Feibleman, James K. *The Institutions of Society*. New York: Humanities Press, 1968.
- Field G.L., Higley J. *Elitism*. London; Boston: Routledge and Kegan Paul, 1980.
- Finer S.E. Pareto and Pluto-Democracy: The Retreat to Galapagos // *The American Political Science Review*. 1968. Vol. 62. № 2. P. 440–450.
- Gerth H.H., Mills C.W. *The Character and Social Structure: The Psychology of Social Institutions*. New York: A Harbinger Book; Harcourt, Brace & World, Inc., 1964.
- Hazán M. The Structure of Mexican Elites: an Enduring Puzzle // *International Review of Sociology*. 2001. Vol. 11. № 2. P. 217–229.
- Higley J., Burton M. *Elite Foundations of Liberal Democracy*. Lanham: Rowman & Littlefield Publishers, 2006.
- Higley J., Lengyel G. Elite Configurations after State Socialism // *Elites After State Socialism. Theories and Analysis* / Ed. by J. Higley, G. Lengyel. Lanham: Rowman & Littlefield Publishers, 2000. P. 1–21.
- Higley J., Moor G. Political Elite Studies at the Year 2000: Introduction // *International Review of Sociology*. 2001. Vol. 11. № 2. P. 175–180.
- Keller S. *Beyond the Ruling Class: Strategic Elites in Modern Society*. New York: Random House, 1968a.
- Keller S. Elites // *International Encyclopedia of the Social Sciences* / Ed. by D.L. Sills. Vol. 5. New York: The Macmillan Company & The Free Press, 1968b. P. 26–29.
- Lane D., Ross C. The Russian Political Elites, 1991-95: Recruitment and Renewal // *Postcommunist Elites and Democracy in Eastern Europe* / Ed. by J. Higley, J. Pakulski and W. Wesoiowski. Basingstoke: Macmillan, 1998. P. 34–66.
- Lasswell H.D., Lerner D., Rothwell E.C. *The Comparative Study of Elites. An Introduction and Bibliography*. Stanford, Calif.: Stanford University Press, 1952.
- Nisbet R.A. *The Sociological Tradition*. N.Y.: Basic Books, Inc., Publishers, 1966.
- Peeler J.A. Elites, Structures, and Political Action in Latin America // *International Review of Sociology*. 2001. Vol. 11. № 2. P. 231–246.
- Putnam R.D. *The Comparative Study of Political Elites*. Englewood Cliffs, N.J.: Prentice-Hall, 1976.
- Sereno R. The Anti-Aristotelianism of Gaetano Mosca and Its Fate // *Ethics*. 1938. Vol. 48. № 4. P. 509–518.
- Sereno R. *The Rulers*. New York: Frederick A. Praeger, Publisher, 1962.
- Szelényi I., Szelényi S. Circulation or Reproduction of Elites During the Postcommunist Transformation of Eastern Europe // *Theory and Society*. 1995. Vol. 24. № 5. P. 615–638.
- Touraine A. A Method for Studying Social Actors // *Journal of World-Systems Research*. 2000. Vol. 6. № 3. P. 900–918. URL: <<http://csf.colorado.edu/jwsr>>
- Warner W.L., Associates. *Democracy in Jonesville: A Study in Quality and Inequality*. New York: Harper & Row, Publishers, 1964.
- Zuckerman A. The Concept «Political Elite»: Lessons from Mosca and Pareto // *Journal of Politics*. 1977. Vol. 39. № 2. P. 324–344.